

Когда-то актриса Ван Ланьтин, лауреатка премии «Тысяча цветов», еще до ухода со сцены была раскритикована зрителями за чрезмерно преувеличенные, ненатуральные улыбки и слезы, которые казались фальшивыми. Однако, увидев тело своего единственного сына, она заплакала так, как никогда не плакала на экране. Слезы, словно прорвавшаяся плотина, хлынули из ее глаз, заливая все лицо.

Она с грохотом опустилась на колени у узкой каталке, обхватила израненное тело ребенка и зарыдала так, что казалось, ее сердце разрывается на части. Она трясла плечи сына, тщетно пытаясь заставить его открыть глаза.

В этот момент никто из присутствующих не смог бы оторвать эту мать, потерявшую своего ребенка. Все переглядывались, видя на лицах друг друга одинаковое отчаяние и досаду.

Отец ребенка, Лю Ян, внешне казался более спокойным, но, хотя он и не рыдал, его руки были сжаты в кулаки, плотно прижатые к бокам, а все тело, от плеч до ног, дрожало так, что это было видно невооруженным глазом. Очевидно, он изо всех сил старался сдержаться, чтобы не сломаться на месте.

Лю Ян было уже почти шестьдесят, и годы напряженной работы в бизнесе давно поседел его волосы. Теперь этот седовласый мужчина, согнувшись, стоял перед холодным телом любимого сына, и казалось, что он постарел на добрых десять лет.

Старшее поколение провожает младшее.

Он переживал самую горькую боль, которую только можно испытать в этом мире.

— Что, черт возьми, происходит!? — прошипел командир отряда уголовного розыска Шэнь Цзунь, глядя на тело ребенка на каталке и на убитых горем родителей.

Из окна было видно множество репортерских машин и плотную толпу журналистов с камерами, и он уже предчувствовал, что вскоре к его званию «командира отряда уголовного розыска» добавится приставка «бывший».

— Как этот ребенок умер!?

Лю И покачал головой.

На нем был белый халат, а лицо было почти такого же цвета, как ткань его одежды. Его тонкие губы сжались в прямую линию, а на лбу образовалась четкая складка.

— На первый взгляд на его теле нет явных смертельных ран. Остальное можно будет узнать только после вскрытия...

— Нет! Нельзя!! — Хотя Лю И говорил негромко, слово «вскрытие», произнесенное из уст судмедэксперта, вдруг вызвало бурную реакцию у Ван Ланьтин, которая уже полностью потеряла самообладание. Она обхватила тело сына, лишившееся тепла, и закричала:

— Вы не смейте! Не смейте больше трогать моего сына! Не трогайте его!!

Эта когда-то казавшаяся хрупкой, изысканной и нежной красавица экрана теперь была с растрепанными волосами, красными глазами и лицом, залитым слезами и соплями. Ее вид был настолько жалким и безумным, что никто не мог себе представить.

— Малыш... малыш... — Она кричала до хрипоты, и в ее голосе слышалась дрожь. — Не трогайте моего малыша, не трогайте его...

Рука Лю И, спрятанная в кармане халата, незаметно сжалась в кулак.

Его ногти были коротко подстрижены, почти вровень с кончиками пальцев, но даже так он успел оставить на ладони несколько полукруглых следов от ногтей.

— Госпожа... — Он сделал два шага вперед.

Как судмедэксперт, Лю И должен был убедить родителей согласиться на судебное вскрытие тела.

Как он уже сказал, единственный способ узнать правду о смерти Лю Линсяо — это вскрытие.

Однако в следующую секунду, к удивлению всех, кто-то внезапно бросился на Лю И.

Этот человек двигался с такой силой, что это было похоже на взрыв энергии, вызванный отчаянием, и он сбил с ног ничего не подозревающего Лю И.

Затем кулак поднялся вверх и с силой опустился, сбив очки Лю И, которые со звоном улетели в сторону. Кулак со всей силой ударил его в левую скулу.

Лю И от удара потемнело в глазах, и он инстинктивно поднял руку, чтобы заблокировать следующий удар.

Однако нападавший уже был схвачен несколькими полицейскими, которые силой оттащили его и подняли на ноги.

— Не трогайте моего сына!! — Человеком, который набросился на Лю И, был отец погибшего Лю Линсяо.

Этот когда-то спокойный и воспитанный бизнесмен средних лет теперь был в ярости. Даже когда его плечи и руки были схвачены, он все еще пытался ударить ногой того ненавистного человека, который хотел вскрыть тело его сына.

— Это ты! Это вы все! Почему вы не нашли моего сына раньше!? — Он кричал в истерике, обращаясь ко всем вокруг. — Почему не раньше!? Почему вы не смогли найти его раньше!?!

Слезы Лю Яна наконец хлынули потоком. Сквозь пелену слез он видел свою жену, которая рыдала до изнеможения, и сына, которого она все еще крепко держала в объятиях, но который уже никогда не вернется. Ему казалось, что небо рухнуло, и весь мир в одно мгновение разрушился. Его ноги подкосились, и он, все еще удерживаемый за руки, медленно опустился на пол.

— Почему вы... почему вы не нашли его раньше... — Он смотрел на Лю И, его глаза были полны слез, а взгляд расфокусирован, словно он просто пытался сосредоточиться на чем-то. В его глазах осталась лишь горстка пепла. — Если бы вы нашли его раньше, хотя бы чуть-чуть... возможно... мой сын... не умер бы...

По настоянию Лю Яна и Ван Ланьтин тело Лю Линсяо было отправлено в морг, минуя этап вскрытия.

Командир отряда уголовного розыска Шэнь Цзунь стоял у окна, мрачно глядя на катафалк,

который въезжал на территорию НИИ судебной экспертизы, окруженный журналистами, а затем, пробиваясь через толпу, выезжал за ворота. За ним следом ехали бесчисленные репортерские машины, жаждущие первыми получить сенсацию. Лицо Шэнь Цзуня стало черным, как смоль.

Определив дальнейшие направления расследования, он собрался вернуться в городское управление полиции, чтобы держать ситуацию под контролем, а также немедленно запросить указания у начальства о том, как справляться с прессой.

Перед тем как уйти, он указал на Ци Шаньюя, который уже самовольно начал действовать, чтобы тот остался в НИИ судебной экспертизы и продолжил следить за новыми уликами.

Когда почти все разошлись, Ци Шаньюй подошел к Лю И и, глядя на его лицо, тихо спросил:

— Ты в порядке?

— Да, все нормально. Глаз не задел.

Лю И опустил глаза и медленно покачал головой.

Его кожа и так была бледной, и даже небольшой синяк выглядел очень заметно. А удар Лю Яна был нанесен со всей силой, и теперь на левой скуле Лю И был синяк, который выглядел довольно устрашающе.

Ци Шаньюй достал из своей сумки упаковку влажных салфеток, открыл ее, вытащил одну и, подойдя к Лю И, аккуратно приложил ее к синяку на его щеке.

Лю И вздрогнул от прохладного прикосновения, словно человек, погруженный в размышления, внезапно был выведен из них. Он резко поднял голову и встретился взглядом с Ци Шаньюем, в глазах которого явно читалось беспокойство.

— Я правда в порядке... — Лю И улыбнулся, но уголки его глаз не дрогнули, и улыбка получилась натянутой.

Он взял влажную салфетку, которую ему протянул Ци Шаньюй, сложил ее и прижал к лицу.

— ...На самом деле, господин Лю прав. Если бы мы нашли его сына раньше, возможно, он бы не умер.

Он слегка надавил на салфетку, и боль от синяка четко передалась по нервам в его мозг.

Когда Лю Ян и Ван Ланьтин категорически отказались от вскрытия, он понял, что некий «факт», который мог бы втянуть их всех в водоворот общественного осуждения и самообвинений, если он его не озвучит, скорее всего, так и останется погребенным в деталях расследования, и никто, кроме него, никогда об этом не узнает.